

УДК 316.72(045)

Диалог культурно-исторических общностей

ВИКТОРОВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент, почетный профессор Финансового университета. E-mail: vvv1210@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает проблему придания развитию экономики России инновационного характера и ухода от ее традиционного характера, во многом связанного с остатками азиатского способа производства. Он подчеркивает, что правителями Древней Руси, Российской империи, СССР и постсоветской России неоднократно предпринимались попытки перехода на путь инноваций и рационализма. Однако в силу объективных и субъективных причин они не приводили к постоянному, желаемому и устойчивому результату.

Переходу на путь инноваций мешали заимствованные и прижившиеся в России черты управления, присущие Древнему Востоку, а позднее – Византии. Они обрели сначала восточнославянский и великорусский, а затем российский и советский традиционный характер. Менялся характер управления Россией, а традиционные черты, присущие российскому культурно-историческому типу, переходили из одного этапа его развития в другой.

По мнению автора, российской цивилизации по-прежнему присущи такие традиционные черты, как чувственно-созерцательное восприятие окружающего мира и реальной действительности, жизнь во имя Бога, Правительства и Государства, вера в справедливое решение вышестоящей властью всех вопросов и их слепое выполнение, склонность в политическом устройстве к единодержавию и т.д.

Без преодоления сохраняющихся традиционных черт Россия не избавится от негативных явлений в экономике, политике, культуре и менталитете людей. На рубеже XX–XXI столетий определились положительные тенденции, свидетельствующие о демократизации российской государственности, предпринимаются попытки перехода от традиционной к инновационной экономике. Однако главное, по мнению автора, заключается в том, чтобы принятые решения реализовывались правящими кругами, обществом, а главное – каждым гражданином. Для этого необходимо развивать демократические начала, добиваясь их добровольного восприятия большей частью населения, совершенствовать правовую культуру и продолжать равноправный диалог с другими мировыми культурно-историческими общностями.

Ключевые слова: авторитаризм; азиатский способ производства; бюрократия; диалог; инновации; культура; менталитет; прагматизм; рефлексия; реформирование; традиционализм.

The Dialogue of Cultural-Historical Communities

VYACHESLAV V. VIKTOROV, PhD in History, Professor, Honorary Professor of Financial University. E-mail: vvv1210@mail.ru

Abstract. The author considers the problem of making the development of Russia's economy innovative, abandoning its traditional character, largely associated with the remnants of the Asiatic mode of production. He emphasizes that the rulers of Ancient Russia, the Russian Empire, the USSR and post-Soviet Russia have repeatedly attempted to go on the path of innovation and rationalism. However, due to objective and subjective reasons, they did not lead to a permanent, desired and sustainable result.

Transition towards innovation was hampered by features of control inherent in the Ancient East, and later Byzantium that were borrowed and took root in Russia. They gained first East Slavic and great Russian, and then Soviet and Russian traditional character. The nature of management in Russia was changing, and the traditional characteristics of the Russian cultural-historical type, transferred from one stage of development to another.

According to the author, the Russian civilization is still characterized by traditional features such as sensuously contemplative perception of the world and reality, life in the name of God, the Ruler and the State, the belief in a just

decision of all questions by the higher authorities, and their obedient execution, the tendency to autocracy in the political system, etc.

Without overcoming the existing traditional features Russia will not get rid of the negative phenomena in the economy, politics, culture and mentality of people. At the turn of XX–XXI centuries there appeared positive trends indicating the democratization of Russian statehood, attempts are being made to transfer from traditional to innovative economy. But most important, according to the author, is the fact that the decisions should be implemented by the ruling circles of society, and also most significant – by every citizen. For this purpose it is necessary to develop democratic principles, seeking their voluntary perception of the majority of the population, improve the legal culture and continue equal dialogue with other world cultural and historical communities.

Key words: *authoritarianism; the Asiatic mode of production; bureaucracy; dialogue; innovation; culture; mentality; pragmatism; reflection; reforming; traditionalism.*

На протяжении столетий основой российской цивилизации был и ныне в значительной степени остается сохраняющийся принцип традиционализма. С одной стороны, он являлся гарантом стабильности и здорового консерватизма, с другой стороны, сдерживает новации и тем самым не содействует продвижению российской культурно-исторической общности по пути общественного прогресса. Как показывает практика последних десятилетий, стремление современного руководства придать развитию экономики России инновационный характер связано с немалыми трудностями и внедряется с большим трудом.

История России свидетельствует, что переход на путь инноваций, рационализма и прагматизма неоднократно предпринимался правителями империи, начиная с XVIII столетия. Но ни одна из этих попыток не была устойчивой и долговременной, не охватывала большинство населения и даже не поддерживалась всеми слоями правящего сословия. Уход из жизни правителя-реформатора вел к возвращению традиционной для России внутренней политики в сфере экономике, социальных отношений и культуры.

Это происходило в силу целого ряда причин, и одной из них было проведение преобразований сверху, без привлечения к их осуществлению широких кругов общества. Поэтому не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал свою точку зрения о том, что «современной России необходима широкая общественная дискуссия, причем с практическими результатами, когда общественные инициативы становятся частью государственной политики и общество контролирует их исполнение» [1].

2014 г. объявлен в России «Годом культуры». По мнению В.В. Путина, он призван стать годом истинного просветительства, обращения к нашим культурным корням, к вопросам патриотизма, нравственности и морали. В Послании Федеральному Собранию Президент РФ заявил о том, что «мы знаем всеохватывающую, объединяющую роль культуры, истории, русского языка для нашего многонационального народа и с учетом этого должны выстраивать государственную политику...» [1].

Культура должна найти свое проявление в методах их проведения. Крайне важно, чтобы они не превращались в бесконечную череду наукообразных рассуждений без практических шагов, анализа сделанных как положительных, так и негативных шагов и корректировки практических планов.

Общеизвестно, что в конце XVII в., как и в начале XXI столетия, Россия не могла продолжать движение по прежнему пути, ведущему к стагнации, загниванию и гибели. В такой ситуации необходим приход к власти правителя-реформатора, понимающего сложность ситуации, потому что предстояло ломать устаревшие традиционные устои.

Для этого был необходим правитель, обладающий большой самодержавной или конституционной политической волей и властью, историческим видением настоящего и будущего, любящий Родину, наполненный чувством боли и ответственности за ее судьбу. Такой правитель дает первый толчок к проведению преобразований, невиданных по размаху и масштабам. Однако, реформируя Россию, один из великих ее преобразователей Петр Великий, например, проявил себя так же как личность, которой в известной степени было чуждо чувство бережного

отношения к полезным и жизненно необходимым традициям великорусской нации.

Первый русский император, опираясь на малочисленную группу российских сподвижников и на многочисленных иностранцев, проделал работу, изменившую судьбу страны. Он пытался вырвать с корнем традиционную старую и во многом отжившую систему. Это был тот редкий случай, когда с консервативными и отжившими традициями можно было покончить, используя самодержавную власть, при помощи которой можно их беспощадно ломать. Видимо, прав историк Н.И. Костомаров, писавший, что «только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания... Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное от предков» [2, с. 781]. В то же время нельзя насильственно насаждать новые явления, порой во многом чуждые российскому менталитету. Именно поэтому Петровские реформы не были близки русскому мужику — основе Российского государства.

Приобретенная Россией позитивная и негативная практика реформирования заслуживает глубокого изучения и осмысления. Накоплен огромный опыт, который необходимо знать, уметь оценивать и учитывать в практической работе. Эта оценка должна быть взвешенной и осмысленной, даваться без торопливости и боязни ошибиться, ибо боязнь и нерешительность могут привести к непредсказуемым последствиям. Чтобы побороть чувство неуверенности, необходимо уметь отделять главное от второстепенного, отбирать для оценки и использования действительно, общественно значимые события и явления. Конечно, при такой деятельности руководство России всегда подстерегали опасности.

Одними из них были и остаются поспешность, непоследовательность, порой нерешительность, желание быстро получить любой ценой положительный результат. Сегодня это проявляется в бесконечных декларациях и уговорах действовать. Отсюда складывается впечатление, что власти боятся допустить ошибку, хотя это и неизбежно в условиях масштабного реформирования, но в то же время считают принятые решения единственно правильными и непогрешимыми.

Принимая решение, как теоретики, так и практики должны помнить о необходимости уметь критически оценивать собственную деятельность и в случае необходимости своевременно признавать и исправлять допущенные ошибки. Именно правящая политическая и экономическая элита должна прежде всего самокритично подходить к оценке собственной деятельности, помня, что не все сделанное предшественниками подлежит неприятию, осуждению или непомерному восхвалению. Между тем только в XX столетии, как минимум, дважды руководители России совершали ошибки, отвергая сначала положительный дооктябрьский российский опыт, а потом также непродуманно и в спешке ломая советскую систему, отвергая и очерняя накопившийся опыт созидания.

Советская экономическая и политическая система, наряду со многими положительными сторонами, конечно, имела немало недостатков, которые, в конечном итоге, привели к ее гибели. Хотя следует отметить, что ее разрушение является результатом не столько объективных, сколько субъективных факторов. К числу последних можно отнести некомпетентность и субъективизм высшего руководства при принятии решений и оценке положения дел. Оно на протяжении многих лет фактически недооценивало роль материального фактора, не уделяло должного внимания удовлетворению возраставших материальных потребностей широких народных масс, допускало нарушения прав человека, использовало «телефонное право» при решении многих вопросов и т.д. Высшее советское руководство необдуманно расходовало огромные средства на военные цели.

Таким образом, исходя из накопленного исторического опыта, структурная и интеллектуальная элита, выстраивая модель современного развития России, должна знать и помнить об историческом опыте, учитывать его, прогнозируя будущее. При этом необходимо предусматривать различные возможные сценарии развития при продвижении к главной цели. Немецкий философ, психолог и культуролог К. Ясперс считал, что «свершение настоящего определяется и скрытым в нем будущим, ростки которого мы, принимая или отвергая, считаем своим» [3, с. 28].

Вывод Ясперса, видимо, будет актуальным до тех пор, пока на Земле существует общественная жизнь. Нельзя исключать такого варианта

развития, когда человечество наиболее последовательно будет следовать гипотезе Платона об управлении государством философами. Они, по его мнению, должны будут «принять на себя заботу о государстве, желают они того или нет (и государству придется их слушаться)» [4, с. 279].

К сожалению, крайне редко в мировой практике можно встретить правителей, использующих философские законы и категории, метод философской рефлексии. В данном случае мы встречаемся с одним из негативных последствий мировой современной системы образования, которая недооценивает роль и значение философского фактора при изучении прикладных дисциплин и их использовании в практической деятельности.

Обращаясь к истории развития российской цивилизации, постоянно наталкиваешься на комплекс нерешенных проблем, незавершенность начинавшихся процессов ее модернизации. Так, не были завершены реформы, начатые Иваном Грозным. Начавшееся реформирование России Петром Великим после смерти первого российского императора было остановлено. Попытки модернизации Российской империи Екатериной II не были поддержаны и продолжены Павлом I. Реформы Александра I были остановлены им самим, а их идеолог М. М. Сперанский удален из Петербурга. Александр II осуществил и подготовил ряд важнейших реформ, но с его гибелью наступила эпоха контрреформ и т. д.

Необходимо отметить, что попытки модернизации России и даже частично осуществленные реформы понемногу, как правило, давали свои результаты, и империя успевала сделать шаг вперед по пути общественного прогресса. Причины, которые тормозили или даже срывали реформирование России, были самые различные: отношение к их проведению верхов и низов, система власти, менталитет народа и т. д. Но основная причина срывов процессов модернизации российской цивилизации, по нашему мнению, продолжает лежать в российском традиционализме, основой которого являлся «азиатский способ производства».

Почему современным руководителям России и российской элите необходимо помнить об «азиатском способе производства» и алгоритмах его проявления? *Во-первых*, императорская, советская и постсоветская системы

власти унаследовали многие черты управления государством и обществом, заимствованные у древневосточных и византийской цивилизаций. Еще В. О. Ключевский писал, что «исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые влекли ее к Азии или в нее влекли Азию» [5, с. 65].

Россия оказалась между самобытным, но застойным Востоком и прагматичным Западом. Многие элементы «азиатского способа производства» пришли на Русь от ближайших соседей — Великой степи и из Византийской империи вместе с православием, а та их унаследовала от древнеегипетской цивилизации [6]. В то же время нельзя отрицать влияние западнохристианской цивилизации. Диалог цивилизаций был перманентным, имел прогрессивный и регрессивный характер, был порой равноправным и уважительным. Однако Запад нередко пытался поучать Россию, считая ее варварской страной, навязывать свое видение мира. Вновь это нашло свое проявление в санкциях против России в 2014 г.

Таким образом, российский культурно-исторический тип не замыкался в себе, а вел диалог с Западом и Востоком, многое от них воспринял и использовал. Однако воспринятый опыт не всегда вел к положительным последствиям для страны и ее народов.

Во-вторых, не без влияния некоторых алгоритмов «азиатского способа производства» сформировался менталитет народов России, и в первую очередь русского народа, что должна учитывать в своей практической работе современная правящая элита. Одни алгоритмы «азиатского способа производства» отжили, другие сохраняются до настоящего времени, в том числе продолжают жить на подсознательном уровне российских этносов, постоянно напоминая о себе, вплоть до сегодняшнего дня.

Хорошо известно, что характерными чертами древневосточных цивилизаций оставались деспотическая (единоличная) верховная власть, система учета и контроля в экономике, значительный бюрократический аппарат, сельская община, чувственно-мифологическое восприятие мира и т. д. Весь тот уклад в экономической

и общественно-политической жизни К. Маркс назвал «азиатским способом производства».

На протяжении тысячелетий институт сельской общины оставался характерной и незыблемой основой культурно-исторической общности Древнего Востока. При всем своем разнообразии община обладала некими едиными и общими для нее чертами. В ее особенностях К. Маркс увидел основу для существования азиатского деспотизма. Она, по его мнению, оставалась неизменной на протяжении столетий, а застывший механизм ее функционирования стал традиционной формой существования сельского хозяйства, являвшегося основой экономики древневосточных цивилизаций.

При рассмотрении этого феномена весьма уместна параллель с российской сельской общиной, разрушение которой было начато только после поражения революции 1905–1907 гг. по инициативе П. А. Столыпина потому, что он увидел в ней тормоз, мешавший развитию России. Однако при всей энергии российского реформатора русская сельская община в основном дожила до революций 1917 г. и легла, по нашему мнению, в основание созданной советской кооперативно-колхозной системы.

Практически на всех этапах развития российской культурно-исторической общности можно обнаружить немало черт, похожих на древнеегипетскую и византийскую системы. Так, в Древнем Египте сложилась жестко отлаженная система учета, контроля и перераспределения произведенной сельскохозяйственной и ремесленной продукции, являвшаяся важнейшим элементом управления древнеегипетским государством. В древнеегипетской цивилизации она была прагматичной, рациональной, обладала сакральным характером, ее функционирование обеспечивали специально выделенные для этого чиновники.

О месте и роли чиновников свидетельствуют дошедшие до нашего времени изображения древнеегипетского писца, что уже само по себе является свидетельством его авторитета. Они действительно занимали почетное место в социальной структуре древнеегипетского общества. Эта должность считалась почетной и уважаемой, поскольку писцы входили в привилегированную элиту общества. Они осуществляли учет и контроль, для чего должны были обладать экономическими, математическими, инженерными

и другими знаниями. До нас дошли слова древнеегипетского автора, написавшего, что мудрые писцы «оставили свое наследство в писаниях, поучениях, сделанных ими» и «память о том, кто написал их, вечна» [7, с. 102, 103].

Ряд черт древнеегипетской цивилизации был повторен советской системой: создание грандиозных промышленных, сельскохозяйственных и культурных объектов, система учета, контроля и перераспределения произведенной продукции, использование подневольного труда заключенных и т. д. В СССР была осуществлена коллективизация, которая повернула сельское хозяйство в сторону давно отживших традиций русской общины (коллективная ответственность перед государством за положение дел на местах, обязательная сдача значительной части сельскохозяйственной продукции государству, прикрепление колхозника к месту проживания в силу установленных трудностей по получению паспорта и т. д.).

В СССР непомерно высокой была роль аппарата управления в центре и на местах, сверху осуществлялась жесткая система учета и перераспределения произведенной продукции и полученной прибыли без участия непосредственных производителей. Неконтролируемой со стороны советского гражданского общества была деятельность чиновников всех уровней управления, которые зачастую руководствовались в своей работе не государственными законами, а постановлениями и указаниями центральных и местных партийных органов КПСС и т. д.

Создается впечатление, что советская система учета, контроля, нормирования и распределения произведенной продукции в определенной степени копировала древнеегипетскую систему. В советскую эпоху роль высшего контролера выполняло Политбюро ЦК КПСС, без согласования с которым не принималось ни одного принципиального решения. Этот же высший политический орган через мощный партийный аппарат осуществлял контроль в центре и на местах за выполнением принятых решений. Для этого значительной части первичных партийных организаций в соответствии с Уставом КПСС и специальной инструкцией было предоставлено право осуществления контроля над хозяйственной деятельностью администрации.

В Советском Союзе все созданные и добытые ресурсы распределялись государством по

существовавшим структурам (конечно, их не могло быть в Древнем Египте), доводились до министерств, ведомств, общественных и иных структур, до союзных и республиканских организаций. Часть ресурсов закладывалась в государственный резерв, использование которого было возможно только в исключительных случаях по решению высшего политического органа — Политбюро ЦК КПСС. Всем государственным и общественным структурам в соответствии с пятилетним планом выделялись средства и соответствующие им фонды, которые можно было получить через Госснаб СССР.

При существовавшей советской системе производитель не являлся полновластным распорядителем произведенной продукции и полученной прибыли. Поскольку продукция создавалась на предприятиях государственной, кооперативно-колхозной собственности или собственности общественных организаций, то и рассматривалась как принадлежащая государству или руководящим органам общественных структур. После уплаты налогов промышленные, строительные, транспортные, сельскохозяйственные и иные структуры могли использовать полученную прибыль в соответствии с пятилетним планом и существовавшими нормативами.

Россия унаследовала от древневосточных общностей и византийской цивилизации, систему управления государством. Самодержавная государственность — это модель российской власти, вобравшая в себя опыт древневосточных деспотий. Самодержавие достигло теоретического и практического апогея в Византийской империи и получило развитие в Древней Руси. В Византии император объединял функции «царя-первосвященника» и земного владыки. Эта формула означала, что сопротивление византийскому императору рассматривалось как неподчинение Богу. Может быть, именно поэтому киевскому князю Владимиру импонировала идея освящения верховной светской власти православной церковью, придания ей сакрального характера, признания ее независимости от православных церковных институтов. Крещение Руси и возведение православия в ранг государственной религии означало принятие идеи самодержавной власти и монархии как формы государственного устройства.

Византия принесла на Киевскую Русь точный образ государя как верховного владыки,

отличный от образа, сформированного в западнохристианской цивилизации. Киевский князь, великий князь Владимирский или Московский, а позднее царь Древней Руси и император России как помазанник Божий, царствующий Божьей милостью, был независим не только от православной церкви, но и от народа. Власть государя ограничивалась только сверху — Господом Богом. Но, будучи отцом и владыкой народа, светский владыка оставался сыном православной церкви.

От Византии в Россию пришли авторитаризм и персонификация власти правителя. Со времен Киевской Руси правители Российского государства, с одной стороны, пользовались покровительством Православной церкви (за исключением советского периода), которая обожествляла их власть. С другой стороны, они стремились к авторитарному правлению. Эти черты прослеживались уже у киевских князей Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и др. Раздробленность Руси несколько ослабила тенденцию персонализации княжеской власти. Хотя не только великие Владимиро-Суздальские князья по-прежнему на нее претендовали. Она прослеживалась у Александра Невского, Тверских и Московских князей.

В XV в. произошли события, оказавшие огромное влияние на дальнейшее развитие Древней Руси и России. Если в X в. православие принесло идею сакрализации главы государства, то в XV столетии с участием православных иерархов был заложен фундамент будущей Российской империи и самодержавной власти. После знаменитого стояния на реке Угре в 1480 г. еще больше вырос авторитет великого князя Московского. Вершиной персонализированной великокняжеской власти стало правление Ивана III и Василия III. Православное Русское государство становится воспреемницей «Второго Рима», а Иван III принял даже в качестве официального символа Руси герб Византии — двуглавого орла, соединив его на своей печати с Московским символом — всадником, поражающим дракона, с надписью: «Великий Князь, Божию милостию Господарь всея Руси», таким образом утвердив единоначалие и став «первым, истинным Самодержцем России, заставив благоговеть перед собою Вельмож и народ, восхищая милостию, ужасая гневом, отменив частные права, несогласные с полновластием Венценосца... Сделался как бы земным Богом для Россиян» [8, с. 211, 212].

В памятниках древнерусской литературы второй половины XV столетия проходит идея возвышения личной власти великого князя, с XVI в. — царя. Он почитался как благоверный и христолюбивый, благородный и Богом венчанный, утвержденный, «в благочестии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему и преславному государю нашему всея Руси», «государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси», «великому страны Русской христианскому царю» [9, с. 523, 531, 541].

Идея абсолютной власти, до конца не осуществленная Иваном IV, продолжала жить, и была подхвачена царями династии Романовых. Первому царю из династии Романовых первоначально было не до восстановления самодержавной власти, каковой она была при последних Рюриковичах. Социально-политическая и экономическая ситуация в стране была крайне сложной. Польша и Швеция воевали с Россией, причем не только из желания захватить часть исконно русских земель, а претендуя на московский престол. Многие города, включая Москву, были сожжены или разорены, крестьяне не имели даже возможности убрать урожай и нередко нищенствовали, в казну деньги практически не поступали, а посему она была пустой.

В этих условиях те, кому доверялось местное управление и осуществление правосудия от имени государя, сами во имя собственного благополучия и получения наживы грабили и притесняли подвластных им людей, забывая о чести и законности. При этом правители России укрепляли самодержавные начала в управлении огромной империей.

Царь Алексей Михайлович не только дорожил своей царской властью, но и подчеркивал свое самодержавное достоинство, «тешился своими громкими титулами и за них готов был проливать кровь. Малейшее случайное несоблюдение правильности титулов считалось важным уголовным преступлением» [10, с. 101].

По свидетельству современников, Алексей Михайлович был «самодержавнее» отца, Михаила Федоровича. Адам Олеарий писал: «Царь заботится, как это понятно, о своем величии и следит за правами величества, как делают это другие монархи и абсолютные государи. А именно: он не подчинен законам и может, по мысли своей и по желанию, издавать и устанавливать

законы и приказы. Эти последние все, какого бы качества они не были, принимаются и исполняются без противоречий и даже с тем же послушанием, как если бы они были даны самим Богом» [11, с. 356–357].

Соборное уложение 1649 г. впервые узаконило права государственной власти. В Уложении говорилось о наказании за измену, организацию заговора против государя, бесчинства, совершаемые на государевом дворе. Еще во времена царствования Михаила Федоровича появилась система политического сыска, именовавшаяся «слово и дело государево». Достаточно было произнести эти слова, чтобы человека, их сказавшего, выслушали и начали розыск, если вопрос касался оскорбления царской особы. Причем каждый подданный под страхом смерти был обязан донести об известных ему умыслах против царя или членов его семьи, оскорблении царского имени и титула, государственной измене.

В 1654 г. была создана собственная канцелярия царя — Приказ тайных дел, контролировавший деятельность государственных учреждений, ведавший делами о политических преступлениях и положивший начало тайной государственной службе, к которой допускались особо доверенные царю лица. Помня о мятежах, изменах, народных восстаниях (а их в годы правления Алексея Михайловича было достаточно много), царь стал реже являться народу, ездить в сопровождении вооруженной охраны. Под постоянной охраной находилось царское жилище. В большом ходу были доносы, а по стране процветало шпионство, в котором принимали участие дворяне и подьячие.

Таким образом, персона царя ограждалась уже не только авторитетом Православной церкви и силой закона, а также специальной службой. В советский и постсоветский периоды специальные службы, занимавшиеся охраной высшей государственной власти, оставались не менее значимыми институтами. Алексей Михайлович вплотную подошел к созданию тоталитарной системы, возникновение и упрочение которой российские ученые связывают с советским этапом российской цивилизации.

Между тем на протяжении столетий сначала в идеологии великокняжеской и царской Древней Руси, а затем императорской России выкристаллизовывалась формула, олицетворявшая

единство самодержавной власти и Православной церкви. Окончательно она будет сформулирована в годы правления Николая I в виде доктрины «Православие. Самодержавие. Народность». В середине XIX столетия, когда Запад содрогался от европейских революций, только Российская империя продолжала стоять незыблемо на позициях русского традиционализма.

«Вы думаете, быть может, что нам угрожает революция на манер западноевропейских, — вопрошал П. Я. Чаадаев, — успокойтесь, слава Богу, не к этому идет дело. Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли прийти к одинаковым результатам. К тому же в русском народе есть что-то неотвратимо неподвижное, безнадежно нерушимое, а именно его полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет... Установленная власть для него священна... Всякий государь, каков бы он ни был, для него батюшка» [12, с. 200, 201]. Батюшками народ называл и великих князей, и царей, и императоров. Таково было его традиционное отношение к правителям. Россия унаследовала от древневосточных и византийской цивилизаций роль и всеислие государственного аппарата, полное отсутствие контроля за его деятельностью со стороны общества. Эта традиционная черта прослеживается уже с раннего периода российской государственности. Однако после разгрома восстания декабристов Николай I четко уяснил основную задачу своего царствования — сохранять и укреплять существующий строй. По его мнению, для осуществления этой задачи следовало всего лишь навести порядок, отладить работу самодержавно-бюрократического механизма так, чтобы он действовал без перебоев, служил интересам правящей династии. И цели, казалось бы, ставились благородные: изжить всякую непоследовательность в организации системы управления, придать ей стройность и целесообразность, покончить со злоупотреблениями, добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. Однако созданный механизм быстро обюрократился и стал работать прежде всего на себя.

В царствование Николая I сформировалась российская административно-бюрократическая система, которую скопировала советская административно-командная система, возникшая не на пустом месте. По наблюдениям А. де Кюстина,

в управлении Россией царь опирался на дворянство и чиновничество. В имениях роль деревенских самодержцев выполняли помещики, смеявшиеся над взяточничеством в правительстве, но позволявшие себе всевозможные злоупотребления, «потому что всеобщее взяточничество сводит на нет местные власти» [13, с. 268]. По мнению французского маркиза, Россией управлял класс чиновников, прямо со школьной скамьи занимавший административные должности и распорядившийся часто наперекор воле монарха. Французский аристократ писал, что чиновники, ставшие дворянами, на словах были сторонниками всяких новшеств, а на деле деспотами из деспотов, использовавшими свои помещичьи права с невероятной жестокостью, делающей их объектом проклятий несчастных крестьян.

Наивно полагать, что советская административно-бюрократическая система — плод, возвращенный большевиками, результат сталинской эпохи или плод застойных лет социализма. Первый глава советского правительства России В. И. Ленин предупреждал, что «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать, отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито» [14, с. 390]. Он писал: «Вся работа всех хозорганов страдает у нас больше всего бюрократизмом. Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это» [15, с. 180].

Пришедшие к власти демократы «новой волны» после распада СССР очень быстро попали в те же российские бюрократические сети, в которых оказалась еще молодая советская власть. Бессистемность преобразований привела к системному кризису. «Под видом прощания с тоталитаризмом сокрушена была не советская — русская история... Русский народ — основатель и стержень российской государственности — был насильственно расчленен... Россия оказалась в конце XX века на перепутье, напоминающем ее судьбу в начале столетия» [16, с. 11–13].

Однако никакого «прощания с тоталитаризмом» не произошло. И императорская, и советская тоталитарные системы не были сокрушены, а только обрели несколько иные формы. В постсоветской России она сохранилась, прикрытая

фиговым листочком демократии, изобретенной в воспаленных головах современных российских либеральных демократов. Новой тоталитарной власти был придан псевдодемократический вид, до сих пор прикрываемый Конституцией Российской Федерации 1993 г. Однако при сохраняющемся менталитете народов России и обширности территории отдельные элементы тоталитарной власти необходимы для управления таким огромным государством.

Еще одна проблема, унаследованная от древневосточных общностей и византийской цивилизации и тесно связанная с характером власти и ее единением с Русской православной церковью (РПЦ), — сакрализация образа правителя России. Идея сакрального образа русского великого князя, царя и российского императора сохранялась вплоть до начала XX столетия. Об этом свидетельствует восприятие образа обожаемого монарха в многочисленных воспоминаниях, оставленных государственными и общественными деятелями, не говоря уже о газетных и журнальных публикациях консервативной ориентации. В них они продолжают представлять обожествленными при жизни личностями, способными вершить судьбами не только России, но и мира.

С падением российской императорской власти идея персонализации личной власти не исчезает у руководителей советского государства. Именно с ней связано появление личной, а по сути дела, единоличной (самодержавной) власти И. В. Сталина. В советский период идея персональной власти сохранилась, прикрываемая безответственностью перед народом. Это было характерно для управления страной, руководители которой избирались государственной и однопартийной (коммунистической) структурами — от председателя СНК РСФСР, первых и генеральных секретарей ЦК КПСС. Тем не менее их личная власть, хотя и выборная, была практически ничем не ограничена. Первое лицо в СССР через могущественный партийный аппарат становилось полновластным хозяином в стране.

Несмотря на «дозированную» критику, осмоторительность и осторожность партийных и советских функционеров, их могли подстергать самые непредвиденные неприятности, спастись от которых было крайне трудно. Хотя партийно-советская система власти как императорская

российская власть ограждала от них свою бюрократию, но не прощала ей ошибок и просчетов, которые могли нанести ей вред. Попытки не замечать в работе собственных недостатков и просчетов подтачивало мощную и организованную систему властных структур. Это очень хорошо понимало руководство ЦК КПСС. Поэтому оно имело свой карательный орган — Комиссию партийного контроля. Тем не менее первые в партийной иерархии избранные лица всех различных уровней чувствовали свою достаточную защищенность сверху, что нередко позволяло им проводить политику самого настоящего самодержавного произвола.

На страже охраны советско-партийной системы и ее интересов стояли правящая элита и мощный партийный и государственный аппарат, который держал под своим контролем все структуры. Негативным явлением стала бесконтрольность значительного числа руководителей перед народом, поскольку они были под защитой Системы (Политбюро, Секретариата ЦК КПСС, Совета Министров, широко используемого «телефонного» права и т. д.). После начавшейся в 1985 г. перестройки попытки реформирования Системы со стороны Съезда народных депутатов и XIX Всесоюзной конференции КПСС не были поддержаны значительной частью правящей элиты. И даже после событий лета 1991 г. бывшая советская элита, быстро переодевшись в псевдодемократические одежды, устояла, хотя советской системе был нанесен смертельный удар.

Нельзя назвать случайностью, что Конституция Российской Федерации, принятая в декабре 1993 г., предоставила Президенту России неограниченные полномочия (ими обладали только древневосточные и византийские правители, российские цари и императоры). Поэтому принятая Конституция создала реальные возможности для установления личной и никем не контролируемой власти. Сам Б. Н. Ельцин, будучи харизматичным правителем, считал себя подконтрольным только Господу Богу. Что касается ритуала вступления в должность Президента России, то он до настоящего времени немногим уступает по пышности коронациям российских императоров.

Большим препятствием для установления подлинной в советском и российском обществе был и остается культ личности правителей

России, который в силу своей традиционности никогда не преодолевался. Он, конечно, несравним с культом личности И. В. Сталина и Б. Н. Ельцина, с попытками сформировать культ личности Первых и Генеральных секретарей ЦК КПСС. Но он не мог быть сформирован только усилиями бюрократического аппарата и средств массовой информации. Культ формировали, и дело было только за харизматичной личностью, которую правящая элита выдвинуть не могла. Устои российской самодержавной власти продолжают сохраняться благодаря своеобразному российскому менталитету, который пока не может существовать без надежды на сильную личность и его личную персональную власть.

На протяжении советского и постсоветского периодов развития российской культурно-исторической общности сохранению культа личности во многом содействовали бюрократический аппарат и средства массовой информации, верные и проверенные помощники правящей элиты и верховной власти. Оба эти инструмента теряют свое всеисие только в условиях полной демократии и власти закона, сильного гражданского общества, которые придут на смену волюнтаризму, коррупционности и засилью бюрократии. До тех пор пока законы будут рождаться в недрах аппаратных структур, будет существовать многовековая российская система власти, охраняемая и ограждаемая бюрократией и СМИ, и они будут служить верой и правдой друг другу. Создатели законов (от бюрократов до депутатов) не пойдут на самоуничтожение, а сами депутаты будут продолжать быстро обюрокрачиваться.

Таким образом, культ личности никогда в Советском Союзе не преодолевался как типично российское явление. Он всякий раз возрождался с появлением очередного советского или российского «правителя», меняя только оттенки и проявляя различную степень «кровожадности». Так, после победы Февральской революции довольно быстро сформировался культ личности А. Ф. Керенского, после Октябрьской революции была возможность формирования культа личности лидера РКП (б) В. И. Ленина, когда, несмотря на его отрицательное отношение к единоличной власти, он стал знаковой фигурой, приобретшей сакральный характер. До сих пор еще никто не осмелился подсчитать, сколько жизней унес

переход от социализма к капитализму, от советской системы уравнилельного распределения к рыночной системе вседозволенности «новых русских» и коррупционной бюрократии.

Самым ярко выраженным самодержавным советским государственным и партийным руководителем с византийско-древнеегипетскими чертами был И. В. Сталин. С одной стороны, следует отдать ему должное, поскольку в XX столетии он оказался единственным советским правителем, стремившимся к повышению роли и авторитета страны на международной арене. С другой стороны, методы достижения поставленных им целей были аналогичны тоталитарным действиям Ивана IV или Петра I, кровавы и неприемлемы для утверждения подлинной российской демократии. Даже в условиях частичного возвращения к сталинским методам подавления личности нельзя будет сформировать гражданское общество, которое возможно только в условиях реальной демократии.

И в то же время стоит задуматься над проблемой восприятия широкими народными массами роли тоталитарного правителя в России. Только трем российским правителям (Киевскому великому князю Владимиру, Петру Великому и И. В. Сталину) удалось модернизировать российскую цивилизацию и вывести ее на ведущие позиции в мире. Хотя цель не всегда оправдывала средства. Однако их преемники не были такими же сильными личностями и «промаывали» достигнутые результаты. Примером тому может послужить последний советский партийный и государственный лидер М. С. Горбачев, приведший к гибели Советский Союз, являвшийся прямым наследником Российской империи.

Пожалуй, Екатерине Великой и Александру II удалось частично осуществить модернизацию российской цивилизации. При этом если бы не трагическая гибель Александра II, Россия могла бы стать одним из демократических мировых государств с развитым гражданским обществом. Но, к сожалению, российским самодержцам, имевшим намерение реформировать империю, как и советским и постсоветским лидерам России, не хватило и не хватает последовательности, глубины замыслов и стремления к достижению поставленных целей, каковыми обладали Киевский великий князь Владимир, Петр Великий и И. В. Сталин. Хотя ни в коем случае нельзя

идеализировать методы их деятельности, поскольку они все-таки носили сословно-классовый характер.

В конце 2008 г. на Центральном телевидении проведена акция «Имя России». Первые три места с небольшим разрывом заняли три правителя с ярко выраженными тоталитарными чертами — Александр Невский (получил в поддержку 524 575 голосов), П. А. Столыпин (523 766 голосов), И. В. Сталин (519 071 голос). Но стоит обратить внимание и на такой факт: народ поставил Сталина на 3-е место, жюри — на 10-е, несмотря на то что телеведущий и большинство членов жюри вылили на И. В. Сталина и В. И. Ленина огромные ушата грязи. Это говорит только о субъективном подходе большинства присяжных заседателей во главе с Н. С. Михалковым, точка зрения которых оказалась диаметрально противоположной позиции широких народных масс. В одном Михалков, как представляется, оказался прав: результаты голосования должны заставить задуматься.

На рубеже XX–XXI столетий определились положительные тенденции, свидетельствующие о демократизации российской государственности, попытках перехода от традиционной к инновационной экономике. После распада СССР Россию «раздирали сложные социальные конфликты, партийные и идеологические противоречия» [1], а безопасности и целостности страны угрожал сепаратизм. С начала XXI столетия в стране начало постепенно меняться к лучшему положение народных масс. Постепенно развязываются сложные социально-экономические и политические узлы, преодолевается спад производства, увеличиваются реальные доходы населения. Хотя пока трудно предположить негативные последствия начавшегося во второй половине 2008 г. международного финансово-экономического кризиса.

Вместе с тем не следует преждевременно преувеличивать успехи в развитии России. Видимо, стоит прислушаться к доводам В. В. Путина, который предостерег от возможной эйфории, заявив, что мы находимся только в начале трудного пути к подлинному возрождению страны. По его мнению, предстоит решить комплекс задач: «Это — формирование дееспособного гражданского общества. Это — строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность

и достойную жизнь людей. Это — становление свободного и социально ответственного предпринимательства. Это — борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных сил и правоохранительных органов. Это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах» [1].

Последние два президента России проявляют себя приверженцами модернизации российской культурно-исторической общности. Но для формирования зрелого гражданского дееспособного общества, построения государственной системы, обеспечивающей безопасность и достойную жизнь людей, становления свободного и социально ответственного предпринимательства, необходимо не только желание «верхов», но и активное и осмысленное участие «низов». Для этого необходимо преодоление разрухи не столько в экономике, политике и культуре, сколько в головах людей.

В советский период была создана мощная материально-техническая база, декларированы права и свободы, нарушаемые существовавшей системой. Но, как показала последующая практика, нельзя сказать, что было сформировано новое отношение к труду и выполнению гражданских обязанностей. В экстремальные для СССР годы проявлялись лучшие человеческие качества — патриотизм, жертвенная готовность и бесстрашие во имя Родины, высокая производительность труда, рационализм и прагматизм и т. д. Но стоит только выйти из трудной ситуации, как в обществе преобладающими становились исконно традиционные российские черты — мифотворчество и идолопоклонство, вера в исключительную правоту власти и т. д., т. е. проявлялся рецидив «азиатского способа производства».

Можно провозглашать любые права и свободы, но они должны быть реальными и осуществимыми для каждого человека. Для того чтобы каждый гражданин мог стать политически независимым, он должен прежде всего стать независимым экономически. Санкции, которые уже наложены на Россию западным сообществом и США, говорят только об одном: они не являются опасной угрозой для стран с развитой экономикой и национальной идеей. Конечно, любые санкции — острое оружие, от которого страдают обе стороны, о чем свидетельствует мировой опыт.

России нужен комплекс преобразований, которые должны привести к постепенному уходу от негативных явлений прошлых столетий. Президент постоянно призывает к осуществлению преобразований. Он не скрывает, что «проведение преобразований затянулось, и затянулось недопустимо. В результате люди, потребители услуг, кардинальных изменений не чувствуют. Мы выделяем огромные ресурсы, но если не проводить реформы, вместо качества будут расти только неэффективные расходы, раздуваться управленческий аппарат, что и происходит часто на практике. Обращаю на это внимание и федеральных органов власти, и руководителей регионов Российской Федерации» [1].

Сказать, что за последнее десятилетие ничего не делалось, нельзя, хотя бы потому, что по объемам ВВП Россия входит в пятерку крупнейших экономик мира. Однако сказывается старый российский недостаток: «... по такому ключевому показателю, как производительность труда, мы отстаем от ведущих стран в два-три раза» [1]. Этот недостаток необходимо преодолевать системной эволюционной работой, а не «форсированно», как предлагает Президент. Он совершенно правильно ставит задачу использования при этом новых, по его мнению, факторов развития: «высокое качество профессионального образования и гибкий рынок труда, благоприятный инвестиционный климат и современные технологии» [1]. На самом деле, они не являются новыми, а использовались как в императорской России, так и в СССР.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года Президент называет и другие не менее важные факторы, которые будут способствовать инновационному развитию страны, переходу на более высокий уровень развития перспективных направлений науки и техники. Поставлены задачи освобождения экономики от устаревших, неэффективных, вредных технологий, введения новых профессиональных стандартов, обновления всей системы высшего образования с использованием опыта лучших вузов, подготовки выпускников, востребованных на рынке труда, с тем чтобы экономика и общество получили реальную отдачу, и т.д.

Самое главное заключается в том, чтобы принятые решения реализовывались правящими кругами, обществом и каждым гражданином.

Необходимо развивать демократические начала, добиваясь их добровольного восприятия большей частью населения, совершенствовать правовую культуру. Это возможно при опоре на лучшие традиции российского народа с использованием самых современных идей и эффективных способов развития. И, конечно, необходимо совершенствовать равноправный диалог всех мировых культурно-исторических общностей.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 31.10.2014).
2. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Кн. III. Выпуски шестой и седьмой. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М., 1992. 1236 с.
3. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991. 527 с.
4. *Платон.* Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3. 657 с.
5. *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Ч. 1. М., 1987. Т. I. 431 с.
6. *Культ личности в России: попытка осмысления.* М.: ИНФРА-М, 2012. 207 с.
7. *Поэзия и проза Древнего Востока / Библиотека всемирной литературы.* М., 1973. Т. 1. 735 с.
8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1998. Т. VI. 468 с.
9. *Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в.* М., 1982. 688 с.
10. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 3 кн. Кн. II. Выпуски четвертый и пятый. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. М., 1991. 538 с.
11. *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев.* Л., 1986. 544 с.
12. *Чаадаев П.Я.* Соч. М., 1989. 656 с.
13. *Кюстин де А.* Николаевская Россия: пер. с фр. М., 1990. 288 с.
14. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 45. 729 с.
15. *Там же.* Т. 54. 863 с.
16. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. 536 с.